

УДК 821.161.1.09''19''

Л. В. Черниенко

**ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О
«ТАЙНАХ РУССКОЙ ДУШИ»
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)**

Фет на вопрос, к какому бы он хотел принадлежать народу, отвечал: ни к какому. Любил природу.

А. Кушнер

Русский человек склонен все переживать трансцендентно, а не имманентно.

Н. Бердяев

Проблема национального характера, национального менталитета – одна из самых сложных в современной науке. Ею занимаются в первую очередь, конечно же, этнопсихологии. Кроме того, социологи, философы, историки, культурологи. И филологи – в процессе анализа художественных произведений писателей различных национальных литератур.

В советской науке до начала 90-х годов прошлого века объективному рассмотрению этой проблемы препятствовало понятие «советский человек» – искусственное и слишком абстрактное для многих гуманитарных наук, прежде всего для этнопсихологии.

Очень важен тот факт, что именно литературоведам проще других было исследовать особенности национальных характеров на основе художественных текстов, ибо любой талантливый автор не может не отразить национальное в синтезе с общечеловеческим.

Во второй половине XX века об этом размышляли многие: Л. Аннинский, Ю. Суровцев, Н. Надъярных, В. Шошин, Г. Ломидзе, С. Умарова, В. Воронов, А. Адамович, Й. Ланкутис, М. Пархоменко, И. Дедков, А. Руденко-Десняк, А. Павловский. Московский прозаик Андрей Битов обнародовал две научно-художественные работы («Уроки Армении» и «Грузинский альбом»), которые вызвали живую дискуссию среди читателей и ученых. Особую роль сыграла монография Г. Гачева «Национальные образы мира», ставшая настольной книгой для многих филологов, культурологов, этнопсихологов.

В названных работах затрагивались и вопросы парадоксов русского характера, но очень сдержанно и несколько поверхностно.

Существует целый ряд научных определений национального менталитета разной степени сложности, но **по сути** – это специфика

отношения человека определенной национальности к миру в самом широком понимании слова «мир» и форма выражения этого отношения.

Интерес к национальному характеру (менталитету) обострила Великая Отечественная война. Поскольку нас интересует русский характер, нельзя не обратить внимание на одно известное произведение, создававшееся с июня 1941-го по май 1945-го, – «Василий Теркин» А. Твардовского, в котором речь идет именно о проявлении русского менталитета в экстремальной ситуации войны. Главный герой «книги про бойца» – не «рядовой советской армии», а **«русский чудо-человек»**, соединивший в себе фольклорные черты воина и абсолютно реальные качества русского человека на войне.

Но в данном случае нас интересуют важнейшие аспекты трактовки темы в русской литературе второй половины XX столетия.

Многие писатели-шестидесятники, реально пришедшие в литературу в конце 50-х, рассматривали проблему на деревенском материале («деревенщики»), считая, что именно сельские жители хранят основы. Главный принцип – некрасовский: показать и «плюсы» и «минусы». Не идеализировать и не очернять.

В. Абрамов, В. Астафьев, А. Шукшин, М. Алексеев, В. Белов, А. Калинин, В. Распутин, П. Проскурин, А. Иванов – каждый в меру таланта и в соответствии с творческими задачами выделяли такие нравственно-положительные качества русского человека, как: доброта, храбрость, умение прощать, широта души, мастеровитость, совесть, бережное отношение к природе, терпеливость, патриотичность, способность к сопереживанию. И в то же время – мягкотелость, легкомыслие, бесшабашность, разгильдяйство, «синдром Емели».

С середины 70-х акцент смещается на город. Русский человек в городе – эта проблема рассматривалась многими, но особо интересны, на наш взгляд, произведения Ю. Трифонова, Д. Гранина, В. Тендрякова. Именно они обратили внимание на процесс деформации национального менталитета под влиянием «стандартов городской жизни». И здесь хотелось бы обратить внимание на «городские повести» Ю. Трифонова, «Дождь в чужом городе» Д. Гранина и «Расплату» В. Тендрякова. Символично название одной из «городских повестей» Ю. Трифонова – «Обмен», в которой центральный герой в процессе обмена квартиры обменивает истинные нравственные ценности, исконные, от предков идущие (уважение к возрасту, заботу о близких, добросердечность, порядочность) на весьма сомнительные «принципы» городского существования.

70-е годы – это период жесткого социального прессинга, спровоцированного известными событиями 1968 года, формы которого были менее явными, чем в 30-е, но более изощренными, издевательскими, унижающими и социальное, и национальное

достоинство людей. Вот как, лаконично и жестко, сформулировал эту ситуацию Вадим Еремин:

«Не привлекался.

Не сидел.

Не строил.

Не пил.

Не ел.

В родстве не состоял.

И все-таки

чего-нибудь да стоил,

хотя бы

как ненужный матерьял» [1, с. 133].

В 80 – 90-е годы проявили себя три главные тенденции в подходе к русскому национальному характеру: ироническая (самая сильная), социально-философская и фантазийно-мифологическая. Ироники (например, В. Пьецух, Ю. Поляков) развенчивали некоторую идеализацию «загадочного русского характера»; социально-философское течение пыталось продолжить **на новом этапе** линию «деревенщиков» (Б. Евсеев, С. Василенко и др.), фантазийно-мифологическое (наиболее известна М. Семенова с циклом романов о Волкодаве) ищет **древние ментальные корни**, не особо заботясь об исторической достоверности (в новом тысячелетии линию Семеновой продолжает Е. Колядина, опубликовавшая в 2011 году весьма спорное произведение «Цветочный крест: роман-небылица».

Конечно, проблема русского характера многоаспектна и должна рассматриваться на различных социальных срезах, но наиболее показателен деревенский материал. Есть смысл сопоставить шукшинскую трактовку проблемы (60-е – нач. 70-х годов) и подходы к ней В. Пьецуха (перестроечное время).

Василий Шукшин. Очень **русский, национальный писатель** (читая Шукшина, видишь Россию), но, как всякий настоящий художник, **интернациональный продукт**.

Традиции **Чехова, Гоголя, Достоевского, Бунина**. Многогранность – тоже в традициях классики (актер, режиссер, писатель).

По своему **основному направлению** он кто, сатирик, психолог, лирик и т. д.? Часто думают: сатирик (и в кино тоже). **Конечно, психолог**. Писатель драмы и даже трагик. Художник-исследователь. Комическое у него одно из главных средств создания трагического.

Ему свойственна художественная беспощадность, стремление спасти человека вопреки его желанию, потому что жизнь теряет смысл, если человек расчеловечивается и даже не замечает этого или замечает и думает: мелочи. («Кляуза», «А поутру они проснулись»). Нет мелочей, когда речь о душе.

Как сохранить живую душу и достоинство человека в наше трудное время (НТР, взрыва информации, ускорение темпа жизни) – главный вопрос Шукшина, что **предатель своей души – это предатель**, без скидок.

Главные категории творчества: Труд, Мечта, Правда, Совесть, Праздник (Праздник Души). Причем рассматриваются эти категории на бытовом материале (бытописатель – психолог).

Принципиально важны размышления В. Шукшина о человеческих типах, которые для него интересны:

«Человек трезвый, разумный, конечно же, везде, всегда до конца понимает свое время, знает правду, и если обстоятельства таковы, что лучше о ней, правде, пока помолчать, он молчит. Человек умный и талантливый как-нибудь, да найдет способ выявить правду. Хоть намеком, хоть полусловом – иначе она его замучает, иначе, как ему кажется, жизнь пройдет впустую. Гений обрушит всю правду с блеском и грохотом на головы и души людские. Обстоятельства, может быть, убьют его, но он сделает свое дело. Человек просто талантливый – этот совершенно точно отразит свое время (в песне, в поступке, в тоске, в романе), быть может, сам того не поймет, но откроет глаза мыслящим и умным.

Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени, вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках), и не стоило бы, может быть, так многозначительно вступать в статью, если бы не желание поделиться собственными наблюдениями на этот счет...

Герой нашего времени – это всегда «дурачок», в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени» [2, с. 53 – 54].

«Дурачок» Шукшина – это его знаменитый «чудак» или «чудик» – по названию одного из знаменитых рассказов.

«Жена назвала его – «Чудик». Иногда ласково» [3, с. 382].

Чудика зовут Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет. Он работал киномехаником в селе. Любил делать добро людям, но получилось как-то неудачно. Он не хотел этого, страдал, но то и дело «влипал» в какие-нибудь истории – мелкие, но досадные, иногда и унижительные. Чудик хочет приносить другим радость, но люди не понимают его порывов.

Ему было обидно, горько, даже больно, когда его не понимали. После того, как он разрисовал детскую коляску для ребенка брата, «часов в шесть Чудик пришел к брату. Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой. Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– Да ну что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж ...

– Чтоб завтра же этого дурака не было здесь! – кричала Софья Ивановна. – завтра же пусть уезжает.

– Да ладно тебе!.. Сонь...

– Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чертовой матери, и все!

Чудик поспешил сойти с крыльца... А дальше не знал, что делать. Опять ему стало больно. Когда его ненавидели, ему было очень больно. И страшно. Казалось: ну, теперь все, зачем же жить? И хотелось уйти подальше от людей, которые ненавидят его или смеются» [3, с. 390].

В этом рассказе интересно то, что повествование ведется от автора, но создается впечатление, что нам рассказывает о себе сам персонаж, настолько автор проникает в душу этого человека, его горестные раздумья.

По мнению автора, Василий Князев – из тех людей, которые создают атмосферу радости и добра бескорыстно, но окружающие люди, привыкшие к другому поведению, считают его дураком, странным и смешным человеком.

Трансцендентность мировосприятия русского человека, о которой говорил Н. Бердяев, прекрасно иллюстрируется рассказом «Даешь сердце!»

«Дня за три до Нового года глухой морозной ночью, в селе Николаевке, качнув стылую тишину, гулко ахнули два выстрела. Раз за разом... Из крупнокалиберного ружья. И кто-то крикнул: – Даешь сердце!

Эхо выстрелов долго гуляло над селом. Залаяли собаки. Утром выяснилось: стрелял ветфельдшер Александр Иванович Козулин» [4, с. 329 – 330].

Странный в восприятии многих человек с почти гротескной фамилией Козулин своими выстрелами не на шутку встревожил «руководящих товарищей». Пьяная драка, битье стекол у соседей обеспокоили бы гораздо меньше – нормальное явление повседневной жизни.

Беседа Козулина с милиционером и председателем сельсовета – «диалог глухих».

Председатель скрипнул хромовыми сапогами, поправил правой рукой ремень гимнастерки (из другого рукава свисала аккуратная лакированная ладонь протеза), пригласил фельдшера:

– Садись, товарищ Козулин.

Козулин тоже сел в глубокое кресло.

– Так что случилось-то? Почему стрельба была?

– Вчера в Кейптауне человеку пересадили сердце, – торжественно произнес Козулин (курсив мой. – Л. Ч.). И замолчал. Председатель и участковый ждали – что дальше? – От мертвого человека – живому.

У участкового вытянулось лицо.

- Что, что?
- Живому человеку пересадили сердце мертвого. Труп.
- Что, взяли, выкопали труп и...
- Да зачем же выкапывать, если человек только умер! – раздраженно воскликнул Козулин. – Они оба в больнице были.
- Ну это бывает, бывает, *снисходительно согласился председатель* (курсив мой. – Л. Ч.), – пересаживают отдельные органы. Почки... и другие.
- Другие – да, а сердце – впервые. Это же – сердце!
- Я не вижу прямой связи между этим... *патологическим случаем* (курсив мой. – Л. Ч.) и двумя выстрелами в ночное время, – строго заметил председатель.
- Я обрадовался... Я был ошеломлен, когда услышал, мне попало на глаза ружье, я выбежал во двор и выстрелил...
- В ночное время.
- А что тут такого?
- Что? Нарушение общественного порядка трудящихся» [4, с. 331 – 332].

Ветфельдшер был вынужден признать себя психически больным, так как почувствовал, что его собеседники никогда не поймут, что побудило Козулина салютовать.

- «– Простите, не подумал в тот момент... Я – шизя.
- Кто? – не понял милиционер.
- Шизя. На меня, знаете, находит... Теряю самоконтроль. – Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза – пальцами. – Ширво коло ширво... Зубной порошок и прочее.
- Милиционер и председатель недоуменно переглянулись.
- Простите, – ещё раз сказал фельдшер.
- Да мы-то простим, товарищ Козулин, – участливо произнес председатель, – а вот как трудящиеся-то? Им некоторым вставать в пять утра. Вы же человек с образованием, вы же должны понимать такие вещи.

– Кстати, – по-доброму оживился участковый, – а чего вы-то салютовать кинулись? Ведь это не по вашей части победа-то, – вы же ветеринар. Не кобыле же сердце пересадили.

- Не смейте так говорить! – закричал вдруг фельдшер. И покраснел. Помолчал и тихо, и горько спросил: – Зачем вы так?» [4, с. 332].

Странные герои Шукшина, «чудики» – это и есть, мнению писателя, носители исконно русских национальных черт, которые еще сохраняются среди сельских жителей (один из сборников его рассказов так и называется «Сельские жители»). Главные персонажи «Степкиной любви», «Беспалого», «Верую!», «Сапожек», «Упорного» – истинно русские люди и в праведности своей и в ошибках. Они делают добрые дела и совершают «дурацкие» поступки, как например, Степан Воеводин

(«Степка»), который сбежал из мест заключения за три месяца до официального освобождения. Чаще всего объясняется всё очень просто: «Так душа просит».

Если в центре внимания Шукшина «чудак», то главным объектом художественного анализа В. Пьецуха является другой чудак, как любил выражаться Шукшин, «чудак на букву «мэ».

В рассказе «Центрально-ермолаевская война» В. Пьецух пытается выявить суть русской души, сопоставляя различные национальные менталитеты:

«Положим, в немецкой или какой-нибудь сербохорватской душе, при всем том, что эти души нисколько не мельче нашей, а, пожалуй, кое в чем основательнее, композиционной, как компот из фруктов композиционнее компота из фруктов, овощей, пряностей и минералов, так вот, при всем том, что эти души нисколько не мельче нашей, в них обязательно чего-то недостает. Например, ими довлеет созидательное начало, но близко нет духа всеотрицания, или в них полным-полно экономического задора, но не прослеживается восьмая нота, которая называется «гори все синим огнем», или у них отлично обстоит дело с чувством национального достоинства, но совсем плохо с витанием в облаках. *А в русской душе есть все: и созидательное начало, и дух всеотрицания, и экономический задор, и восьмая нота, и чувство национального достоинства, и витание в облаках* (курсив мой. – Л. Ч.). Особенно хорошо у нас сложилось с витанием в облаках. Скажем, человек только что от скуки разобрал очень нужный сарайчик, объяснил соседу, почему мы победили в Отечественной войне 1812 года, отходил жену кухонным полотенцем, но вот он уже сидит у себя на крыльчке, тихот улыбается погожему дню и вдруг говорит:

– Религию новую придумать, что-ли?..

Надо полагать, что эта особенность русской души, в свою очередь, объясняется множеством причин самого неожиданного характера, однако среди них есть совсем уж неожиданные и малоисследованные, которые при всей их мнимой наивности представляются такими же влиятельными, как, допустим, широкое распространение лебеды, – например, топонимика, климат и пейзаж» [5, с. 296].

Столь пространный цитата необходима, т.к. она демонстрирует суть авторского отношения к проблеме и его особую траги-ироническую манеру (где ирония зрима, а трагическое – в подтексте) воплощения идеи.

Пьецух диалектично подходит к характеру русского мужика, который с одной стороны баламут и пьяница, а с другой – величайший философ своего времени. Как только «воздух начинает темнеть» Вениамин Александрович Сиволапов и публицист Аптечко любят посидеть на веранде, выпить стаканов по шесть чая с коньяком и потолковать о разных предметах, отдаленных от российской

действительности. Главной темой для обсуждения служит влияние погоды на человеческую психику. Особенно досталось костариканцам, которые живут веселой жизнью и в перерывах сочиняют лирические стихи. Но удивительно то, что наряду с наивными рассуждениями, они находят какую-то свою истину: «Какая у костариканцев, в сущности, может быть поэзия, если у них сумерек не бывает» [6, с. 70].

Парадоксальность, даже абсурдность русского национального характера подчеркивается уже в названии рассказа «Свобода как наказание». Абсолютно непонятно, почему весь мир стремится к свободе, как к наибольшему благу, в то время как у русских она дается в наказание. У Пьцуха русский человек свободен по своей сути, поэтому рамки европейской «законопослушной свободы» ему тесны. «Отсюда... и бестолочь русской жизни, поскольку русак искони до бессмыслия свободен и ему узки пошлые нормы лично-социального бытия... в нем народилась новая внутренняя свобода, с которой ничего поделаться уже нельзя, хоть ты к каждому приставь по сотруднику государственной безопасности» [7, с. 93]. В итоге свобода была нужна только «...кое-кому из писателей, кое-кому из читателей и десятку-другому специалистов по «гуманитарному департаменту», но парадокс в том, что писатели и читатели и специалисты по гуманитарному департаменту прочитались, потому что печатное слово резко упало в цене, после обретения свободы. Истинно свободный человек у автора, это человек, который освободился от животного элемента и сохранившего в себе частицу Духа, которую вложил Создатель. И такому человеку не нужны ни конституция, ни демократические свободы, так как он свободен Душой, именно поэтому счастье не в свободе, а в нас самих» [7, с. 98]. Почти в унисон шукшинскому «так душа просит».

В сборнике «Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории» автор попытался найти ответ на вопрос, отчего «земля наша так велика и обильна, а порядка в ней нет».

В эссе, давшем название сборнику, автор разделил русских на «дурней и сумасшедших». «Дурни – это понятно, мы; добывающие хлеб в поте лица своего, страждущие, обделенные, совестливые, коротающие жизнь в унылых очередях, и при этом охотно верящие каждому неординарному шалопаю, который берedit наши раны и одновременно навевает золотые сны» [7, с. 5]. А к сумасшедшим автор отнес политиков, воров и убийц. По мнению Пьцуха, именно альянс дурней и сумасшедших, породил разруху, экономическую, политическую, нравственную, в великой стране.

Таким образом, В. Пьцух оценивает русский национальный характер неоднозначно, пытаясь найти в нем, как и шестидесятники, свои «плюсы» и «минусы». Однако «минусов» он обнаруживает больше (и в этом главное отличие его концепции от трактовки русского характера Шукшиным). Пытаясь понять, почему негатива в современном русском «простом человеке» больше, он ищет корни в истории – близкой

и далекой и делает вывод о том, что ни одна нация не выжила бы в результате того, что испытал русский народ с древнейших времен, с княжеских междуусобиц, до наших дней. Это для писателя своеобразный аргумент оправдания абсурдности некоторых проявлений русского характера. Траги-иронический аспект осмысления проблемы позволяет автору показать современного «русского мужика» таким, каков он есть в реальной жизни, а не таким, каким его хотели бы представить некоторые социологи и политики. Утрирование негативного начала усиливает эмоциональное воздействие на читателя и активизирует нравственно-воспитательную идею.

По гипотезе Н. Бердяева, существует два типа национального сознания: стихийный, анархический (языческий), не терпящий критики и корректировки, и творческий, созидательный, который не чужд самокритике и стремления к самовоспитанию. Сложность состоит в том, что оба этих типа не редко причудливо соединяются в одной личности. Процесс художественного познания такой личности одна из главных задач писателей начала нового тысячелетия. Цель современных литературоведов – исследование парадоксов воплощения «тайн русской души» в новую эпоху.

Список использованной литературы

1. Ерёмин В. Из анкеты / В. Ерёмин // Новая волна : сборник. – М. : Сов. писатель, 1991. – 480 с. **2. Шукшин В. М.** Нравственность есть Правда / В. М. Шукшин. – М. : Сов. Россия, 1979. – 351 с. **3. Шукшин В. М.** Повести и рассказы / В. М. Шукшин. – М. : Эксмо, 2007. – 800 с. **4. Шукшин В. М.** Беседы при ясной луне : рассказы / В. М. Шукшин. – Киев : Веселка, 1991. – 350 с. **5. Пьецух В. А.** Центрально-ермолаевская война / В. А. Пьецух // Русские цветы зла : антология. – М. : Подкова, 1999. – 504 с. **6. Пьецух В. А.** Жизнь замечательных людей: Повести и рассказы / В. А. Пьецух. – М. : Глобус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. – 280 с. **7. Пьецух В. А.** Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории / В. А. Пьецух. – М. : Глобус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. – 216 с.

Чернієнко Л. В. Письменники другої половини ХХ століття про «таємницю російської душі» (деякі аспекти проблеми)

У статті розглядаються питання, що торкаються теми відображення національного менталітету в художній літературі. Пунктирно **намічено** етапи розвитку теми в другій половині ХХ століття, в першу чергу в проекції на втілення російського національного характеру. Головну частину статті складає зіставлення шукшинського підходу до проблеми (60-ті – початок 70-х років) та трактування цього ж матеріалу В. Пьецухом (друга половина 80-х – 90-ті роки). Особлива увага приділяється співвідношенню соціально-філософського, іронічного

та психологічного аспектів художнього дослідження «таємниць російської душі».

Ключові слова: національний менталітет, російський характер, тип дивака, парадокс, психологізм, іронія, соціально-філософський підхід.

Черниенко Л. В. Писатели второй половины XX века о «тайнах русской души» (некоторые аспекты проблемы)

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся темы отражения национального менталитета в художественной литературе. Пунктирно **намечены** этапы развития темы во второй половине XX века в первую очередь в проекции на воплощение русского национального характера. Основную часть статьи составляет сопоставление шукшинского подхода к проблеме (60-е – начало 70-х годов) и трактовки этого же материала В. Пьецухом (вторая половина 80-х – 90-е годы). Особое внимание уделено соотношению социально-философского, иронического и психологического аспектов художественного исследования «тайн русской души».

Ключевые слова: национальный менталитет, русский характер, тип чудака, парадокс, психологизм, ирония, социально-философский подход.

Chernienko L. V. The Writers of the Second Half of the 20th Century on the «Mysteries of the Russian Soul» (some aspects)

The article deals with the theme of reflection of the national mentality in literature. Dotted outlines the stages of development topics in the second half of the 20th century, especially in the projection of the embodiment of the Russian national character. The main part of this paper is the comparative approach to Shukshin (60s – early 70s) and interpretations of the same material B.P'etsukh (late 80s – 90s). Particular attention is paid to the relation of social and philosophical, and psychological aspects of ironic artistic research «mysteries of the Russian soul».

Key words: national mentality, Russian character, the type of eccentric, paradox, psychology, irony, social and philosophical approach.

Стаття надійшла до редакції 31.01.2013 р.

Прийнято до друку 28.02.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.